

Леонид Аринштейн

Грибоедов, Пушкин, Лермонтов

С секундантами и без...

УБИЙСТВА,
КОТОРЫЕ ПОТЯСЛИ
РОССИЮ.

Леонид Матвеевич Аринштейн
С секундантами и без... Убийства,
которые потрясли Россию.
Грибоедов, Пушкин, Лермонтов

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14824694
Л. М. Аринштейн. С секундантами и без... Убийства, которые потрясли Россию: Грибоедов, Пушкин, Лермонтов: Грифон; Москва; 2010
ISBN 978-5-98862-061-7

Аннотация

Между 1829 и 1841 г. – всего за двенадцать лет – Россия потеряла трех самых замечательных своих поэтов. 30 января 1829 г. трагически погиб Александр Сергеевич Грибоедов. Он был зверски растерзан толпой, напавшей на русское посольство в Тегеране. 27 января 1837 г. был смертельно ранен на дуэли Александр Сергеевич Пушкин. 15 июля 1841 г. был застрелен на дуэли под Пятигорском 27-летний Михаил Юрьевич Лермонтов.

Все трое жили, творили, действовали, как подсказывала им совесть, без оглядки на то, что их поступки могли стоить им жизни. Об этой удивительной внутренней связи поэтического дара и чувства чести и достоинства блестяще и увлекательно рассказывает в этой книге автор широко известной «Непричесанной биографии» Пушкина Леонид Аринштейн.

Глава о гибели Грибоедова в Тегеране написана на основе иранских и английских источников, впервые привлеченных автором книги к исследованию этой темы. В главах о гибели на дуэли Пушкина и Лермонтова использованы во всей полноте как материалы следствий, так и многочисленные письма и свидетельства современников.

Для самого широкого круга читателей.

Содержание

От автора. Случайность или закономерность?	5
Кем и почему был убит Грибоедов?	6
Из «Путешествия в Арзрум...» А. С. Пушкина	7
«Голубая родина Фирдуси...»	9
«Вам не простят Туркманчайского мира»	10
Радужные дни месяца раджаба	12
Шесть дней зимнего месяца шаабана	13
Персидские письма	16
Друзья и недруги Грибоедова из Британской миссии	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Леонид Аринштейн

С секундантами и без... Убийства, которые потрясли Россию: Грибоедов, Пушкин, Лермонтов

© Грифон, 2010

© Аринштейн Л. М., 2010

© Голубев В. С., оформление, 2010

* * *

Автор выражает искреннюю благодарность:

Елене Эдуардовне Будыгиной за *оригинальную идею объединить в одной книге трагические судьбы трех великих русских поэтов;*

Художнику Владимиру Сергеевичу Голубеву за *оригинальное решение дизайна книги;*

Ирине Юрьевне Юрьевой за *неоценимую помощь при подготовке рукописи;*

Дмитрию Николаевичу Бакуну за *внимательное прочтение текста и постоянное внимание к его редактированию и корректировке;*

Екатерине Мягковой за *быструю и четкую техническую подготовку текста;*

Елене Геннадьевне Щербаковой за *четкую и великолепную работу при создании оригинал-макета*

От автора. Случайность или закономерность?

*Племя, которое не боится умирать...
Петрарка*

Между 1829 и 1841 годами – всего за двенадцать лет – Россия потеряла трех самых замечательных своих поэтов.

30 января 1829 года трагически погиб Александр Сергеевич Грибоедов. Он был зверски растерзан толпой, напавшей на русское посольство в Тегеране. Грибоедову было всего 33 года.

27 января 1837 года был смертельно ранен на дуэли Александр Сергеевич Пушкин. Он скончался через два дня – 29 января в возрасте 37 лет.

15 июля 1841 года был застрелен на дуэли под Пятигорском 27-летний Михаил Юрьевич Лермонтов. Причем, была ли это хотя бы дуэль или просто убийство, до сих пор не вполне ясно.

Невольно приходит в голову банальная истина. Если что-то произошло один раз – это случайность, если два – совпадение, если три – закономерность.

Но вот что удивительно: незадолго до всех этих трагических событий в России завершился столь же печальный цикл в Англии.

За три года здесь погибли три романтических поэта. В Англии, как известно, все происходит быстрее и раньше, чем у нас. «Что впору Лондону, то рано для Москвы» (Пушкин).

Так вот, за пять лет до гибели Грибоедова 19 апреля 1824 года погиб, сражаясь за свободу Греции, Джордж Гордон Байрон. Ему было 36 лет.

За два года до него, 8 июля 1822 года, утонул его друг, второй романтический поэт Англии Перси Биши Шелли. Не умея плавать, он отправился в морской переход на небольшой парусной лодке из Ливорно в приморский городок Леричче и был застигнут штормом. Ему было 29 лет.

Еще годом ранее 23 февраля 1821 года скончался на руках у Шелли третий поэт-романтик Джон Ките. Ему было всего 25 лет.

Я был в доме на площади Испании в Риме, где провел последние годы и скончался Ките. Меня поразило сходство с последней квартирой Пушкина на Мойке, 12 в Петербурге. Та же круговая планировка, небольшие комнаты, по стенам, в шкафах и на полках – множество книг, чернильница, гусиное перо, безделушки... Только Пушкин скончался на диване, а Ките – на деревянной кровати, непомерно большой для его роста.

Так что все-таки закономерность. И даже понятно какая. Но об этом лучше всего поговорить после того, как будут рассмотрены конкретные обстоятельства и, по возможности, выявлены причины ранней гибели великих русских поэтов.

Первым по времени был Грибоедов.

Кем и почему был убит Грибоедов?

*Ты обойдён наградой? Позабудь!
Дни мчатся чередой? Позабудь!
Неверен ветер: в вечной книге жизни
Мог и не той страницей шевельнуть.*

Омар Хайям

Из «Путешествия в Арзрум...» А. С. Пушкина

Отдохнув несколько минут, я пустился далее и на высоком берегу реки увидел против себя крепость Гергеры. Три потока с шумом и пеной низвергались с высокого берега. Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» – спросил я их. «Из Тегерана». – «Что вы везете?» – «Грибоеда». Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис.

Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова! Я расстался с ним в прошлом году в Петербурге пред отъездом его в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия. Я было хотел его успокоить; он мне сказал: «Vous ne connaissez pas ces gens-là: vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux»¹. Он полагал, что причиною кровопролития будет смерть Шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Но престарелый Шах еще жив, а пророческие слова Грибоедова сбылись. Он погиб под кинжалами персиян, жертвой невежества и вероломства. Обезображенный труп его, бывший три дня игрищем тегеранской черни, узнан был только по руке, некогда простреленной пистолетною пулею.

Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году. Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, – все в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием, равным

¹ Вы не знаете этих людей: вы увидите – дело дойдет до ножей (фр).

его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении. Несколько друзей знали ему цену и видели улыбку недоверчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось им говорить о нем как о человеке необыкновенном. Люди верят только славе и не понимают, что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротою, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в «Московском телеграфе». Впрочем, уважение наше к славе происходит, может быть, от самолюбия: в состав славы входит ведь и наш голос.

Жизнь Грибоедова была затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств. Он почувствовал необходимость расчесться единожды навсегда со своею молодостью и круто поворотить свою жизнь. Он простился с Петербургом и с праздной рассеянностью, уехал в Грузию, где пробыл восемь лет в уединенных, неусыпных занятиях. Возвращение его в Москву в 1824 году было переворотом в его судьбе и началом беспрерывных успехов. Его рукописная комедия «Горе от ума» произвела неописанное действие и вдруг поставила его наряду с первыми нашими поэтами. Несколько времени потом совершенное знание того края, где начиналась война, открыло ему новое поприще; он назначен был посланником. Приехав в Грузию, женился он на той, которую любил... Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, не ровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна.

Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...

«Голубая родина Фирдуси...»

180 лет назад, в среду 11 февраля (6 шаабана) 1829 года фанатически настроенная толпа персиян напала на особняк Моххамед-хана-Замбор-Экчи-баши в Тегеране, где расположился прибывший из Тебриза для переговоров с Шахом русский посланник Александр Сергеевич Грибоедов и его свита. В ходе завязавшейся ожесточенной, но неравной схватки Грибоедов и вместе с ним почти все члены посольства, обслуживающий персонал и охрана были зверски убиты.

Независимых свидетельств того, что происходило в те дни в Тегеране, не сохранилось. Единственный уцелевший представитель русского посольства Иван Сергеевич Мальцов был так напуган случившимся, что, по его собственному признанию, находясь в Персии, говорил лишь то, что хотел бы услышать от него Шах. К сожалению, и в России поведением Мальцева управлял все тот же страх: он частью повторял то, что уже рассказывал в Персии, частью говорил вещи совершенно противоположные, создавая версию, которую, по его разумению, хотел бы услышать от него генерал Паскевич; свои показания Мальцов сопровождал тайными письмами к Паскевичу, умоляя ни под каким видом не посылать его обратно в Персию, где, как он считал, его непременно убьют за откровенность...

Остальные свидетельства так или иначе восходят к персидским источникам, причем ни имена очевидцев, ни показания лиц, имевших непосредственное отношение к трагическим событиям, до нас не дошли: всё, что они говорили или писали, пришло к нам лишь из вторых рук.

Вот почему так важно тщательное критическое исследование каждого документа, имеющего отношение к этим событиям.

«Вам не простят Туркманчайского мира»

*Ты сказала, что в Коране
Говорится: «Смерть врагу».
Ну, а я-то из Рязани —
Знать той строчки не могу...*

С. Есенин. «Персидские мотивы»

16 июля 1826 г. персидская армия без объявления войны вторглась в пределы Российской империи.

Персидское правительство сочло для себя выгодным напасть на своего северного соседа именно в это время. Русская армия уже несколько десятилетий была сосредоточена на границах Оттоманской империи – попросту говоря, Турции, – где то затухали, то вспыхивали с новой силой боевые действия. Летом 1826 г. вдоль всей линии соприкосновения русских и турецких войск – от Закавказья до Бессарабии – сложилась напряженная военно-политическая обстановка: самое время для Персии нанести России внезапный удар...

Очень скоро, однако, выяснилось, что персидское правительство переоценило свои силы. Перейдя в контрнаступление, русские войска разгромили персидскую армию, взяли в плен ее главнокомандующего Алла Яр-хана и заняли древнюю столицу Азербайджана Тебриз – тогда второй по значению город Персии.

Путь на Тегеран был открыт.

Персия запросила мира.

Номинально главным представителем России на мирных переговорах был командующий отдельным Кавказским корпусом генерал Иван Федорович Паскевич. Фактически же «мозговым центром» русской делегации на переговорах был его близкий родственник и дипломатический советник Александр Сергеевич Грибоедов. Именно ему принадлежит политическая концепция Туркманчайского мирного договора, заложившего основу будущих добрососедских отношений между Россией и Персией.

Отказавшись от соблазнительных территориальных приобретений, которые неизбежно породили бы семена реваншизма в Персии, Грибоедов сумел убедить партнеров по переговорам в великодушии, сдержанности и справедливости русского правительства. На этой основе персидское правительство приняло обязательства возместить ущерб, причиненный вероломным нападением на Россию, в размере восьми куруров туманов (16 миллионов рублей) серебром.

Особое значение имела статья XVII договора, предусматривавшая право подданных Российской империи (в основном это касалось армян и грузин, насильственно уведенных в Персию в ходе предыдущих войн) беспрепятственно вернуться на Родину.

10 февраля 1828 г. договор был подписан, и Паскевич, как бы подчеркивая авторство Грибоедова, поручил ему доставить договор в Петербург на утверждение Императору Николаю I.

Договор прошел тщательную апробацию в Министерстве иностранных дел. Ни эксперты, ни сам министр Нессельроде не изменили в нем ни единой буквы. Остался доволен договором и Николай, наградив Грибоедова истинно по-царски: орденом Св. Анны с алмазными знаками, четырьмя тысячами червонцев и чином статского советника.

А еще через месяц Грибоедов был назначен Чрезвычайным Посланником и Полномочным министром России при Персидском Дворе.

К весне 1828 г. относятся частые встречи Грибоедова с Пушкиным, Вяземским, Олениными. 26 мая – в день рождения Пушкина – вся компания совершила морскую прогулку в Кронштадт, о чем сохранились воспоминания Вяземского, Пушкина, Анны Олениной. Здесь, между прочим, Грибоедов встретил своего коллегу – Джона Кэмпбелла с супругой, прибывших кораблем из Великобритании и следовавших через Петербург в Персию. Дж. Кэмпбелл был одним из посредников на русско-персидских переговорах в Туркманчае и подружился с Грибоедовым, который даже ходатайствовал перед Императором о награждении молодого английского дипломата российским орденом.

Пушкин с завистью смотрел на молодую супругу Кэмпбелла – красавицу Грейс-Элизабет, а Грибоедов и английский дипломат о чем-то шептались.

Между 26 мая и 6 июня Грибоедов несколько раз встречался с Кэмпбеллом и тот, пренебрегая дипломатической тайной, предупредил Грибоедова: «Берегитесь! Вам не простят Туркманчайского мира!»

6 июня Грибоедов выехал из Петербурга в Тифлис.

Здесь 22 августа в Сионском соборе состоялось его венчание с княжной Ниной Чавчавадзе.

10 сентября Грибоедов вместе с молодой женой отбыл к месту службы в Персию, в Тебриз: там при Дворе наследного принца Аббас-Мирзы имели свое постоянное пребывание русская и английская дипломатические миссии.

Вскоре выяснилось, что ряд важных вопросов, связанных с реализацией Туркманчайского мирного договора, требовал решения на уровне Шаха.

Грибоедову предстояло выехать в Тегеран для переговоров.

10 декабря 1828 г. – 14 джумади аль-авваль 1244 года хиджры – Грибоедов в сопровождении свиты и внушительной охраны выехал в Тегеран...

5 раджаба (29 декабря 1828 г. по старому стилю) Грибоедов прибыл ко двору Фатх-Али-шаха в Тегеран.

Радужные дни месяца раджаба

Из «Изложения фактов, относящихся к деятельности Русской миссии со дня ее отъезда из Тебриза в Тегеран 12-го джумади до ее гибели в среду 6-го шаабана 1244 года»:

«Посланник остановился в роскошном особняке покойного Моххамед-хана Замбор-эчи-баши, великолепно приготовленного для приема...

На следующий день после прибытия Посланник нанес первые официальные визиты: Абул Хассан-хану, министру иностранных дел, одному из важнейших сановников государства, затем другим видным сановникам...

В среду 8-го раджаба состоялось представление Шаху, согласно совместно разработанному церемониалу. Около полудня к дому Посланника прибыл обер-церемониймейстер Двора Махмуд-хан во главе почетного эскорта, предназначенного для сопровождения Посланника к шахскому дворцу. Придворный конюх подвел Грибоедову коня из шахских конюшен. Все то время, что процессия медленно следовала по бесконечным торговым рядам столицы, владельцы многочисленных лавок приветствовали Посланника стоя, обнажив голову на европейский манер. Когда же он вступил во внутренние дворы шахской резиденции, направляясь к Зеркальному залу, где Шах ожидал его на троне во всем блеске своего величия, сановники Его Величества пребывали в почтительном благоговении. Грибоедов... вручил Шаху свои верительные грамоты. Церемония вызвала общее удовлетворение.

Правда, некоторые шептались, что Грибоедов слишком долго оставался перед Его Величеством сидя. Шах был в короне, на нем были самые прекрасные его драгоценности; тяжесть их до того утомила Его Величество, что по окончании приема он поспешил освободиться от этих блестящих атрибутов шахского величия...»

Сообщив далее о нескольких деловых визитах Грибоедова министрам шахского правительства, автор летописи продолжает:

«До второго приема у Шаха, состоявшегося через 12–14 дней после приезда, весь Двор только и был занят тем, чтобы доставить удовольствие Посланнику. Аммин-эд-даулэ, Абул Хассан-хан, Мирза Моххамед Али-хан старались превзойти друг друга в блестящих празднествах и угощениях Посланнику и его свите. Тут было какое-то соревнование, воодушевлявшее и занимавшее этих знатных особ; всюду были пиры, иллюминации, фейерверк»².

Как все, однако, быстро меняется!

² Narrative of the Proceedings of the Russian Mission, from its departure from Tabrees for Tehran... until its destruction... // Blackwood's Edinburgh Magazine. Sept. 1830. P. 496–512. Печатается в авторском переводе с английского оригинала.

Шесть дней зимнего месяца шаабана

*Жизнь я сравнил бы с шахматной доской:
То свет, то тень... А пешки мы с тобой —
Расставили, подвигали, смахнули
И в деревянный ящик — на покой.*

Омар Хайям

Из доклада о расследовании обстоятельств убийства Грибоедова и его свиты, предпринятом по распоряжению британского Посланника в Персии подполковника Джона Макдональда его братом, начальником охраны британской миссии капитаном Рональдом Макдональдом:

«Казалось, все шло хорошо и Его Превосходительство Посланник уже готовился к отъезду, как вдруг за шесть или около шести дней до того, как он встретил свою безвременную кончину, произошло следующее: мирза Якуб, второй внук шахского гарема, личность очень влиятельная, пришел к русскому Посланнику и потребовал его покровительства как уроженец Эривани и русский подданный, воспользовавшись статьей Договора с Персией, дающей право русским подданным, проживающим в Персии, возвращаться на родину...

Г-н Грибоедов, говорят, употребил все свое влияние, чтобы отговорить мирзу... Видя, однако, что мирза Якуб упорствует, г-н Грибоедов не мог, без того чтобы публично не подорвать к себе доверия, отказать ему в убежище и в возвращении на родину. В конце концов мирза был принят в дом Посланника.

Этот случай из-за исключительного положения, которое занимало вышеупомянутое лицо, привел г-на Грибоедова к немедленному столкновению с персидским правительством. Каждый день порождал поводы для судебных разбирательств и споров. Жалобы предъявлялись в огромном количестве одной стороной и отвергались противоположной, это вело к жарким дебатам, в которых евнуха обвиняли, будто он вымещал свою злобу в грубых оскорблениях религии и обычаев Персии и что его поддерживали в этом одно или два лица из свиты Его Превосходительства»³.

За «жаркими спорами» последовали не менее «жаркие» действия. Утром 6 шаабана (30 января / 11 февраля 1829 г.) к особняку Моххамед-хана стала собираться толпа, громко выражавшая намерение расправиться с Якубом. Грибоедов распорядился запереть ворота и выставить усиленную охрану. Это не помогло. Толпа продолжала насаждать... Раздались первые выстрелы...

В ходе последовавшей ожесточенной схватки Грибоедов и почти все находившиеся в посольстве были убиты.

К настоящему времени известно более тридцати источников, освещающих это трагическое событие. Все они совпадают или почти совпадают в изложении внешней канвы событий: от первых признаков напряженности, связанной с появлением в резиденции Грибоедова евнуха шахского гарема мирзы Якуба (в некоторых документах «ходжа Якуб» или «Якуб-хан»), до деталей кровавой резни 6 шаабана. Все они (или почти все) коренным образом расходятся в объяснении причин и мотивов этой преступной акции.

Если отвлечься от частностей, то можно выделить следующие восемь версий, объясняющих причины и мотивы нападения на русское посольство и соответственно указывающих на виновников кровавой резни. Первая из них строится на том, что инициатива антирусских

³ Доклад Р. Макдональда воспроизводится по тексту: IOL (Indian Office Library, London), L/P and S/9/90. Secret Letters and Enclosures from Persia. 44. 1829. F. 192–222, с указанием разночтений по тексту: PRO (Public Record Office, London), Foreign Office, 249/27. Persia. Letter Book. Apr. 1828 – June 1830. F. 184–200.

действий исходила от персидского правительства, т. е. шахского Двора; вторая – виновником событий был один из наиболее могущественных феодалов Алла Яр-хан, имевший особые счеты как с русскими вообще, так и с Грибоедовым в частности. Во время боевых действий он был главнокомандующим Персидской армией и после ее разгрома и панического бегства был захвачен в плен разъездом кубанских казаков: дюжий казак приторочил его в перемет к крупу своего коня и привез в штаб Паскевича. Согласно третьей – вина возлагается на духовные власти Тегерана, в частности на Месих-мирзу – наиболее авторитетного представителя руководства мусульманской общины в Тегеране; четвертая версия – нападение тегеранцев на русское посольство носило сугубо стихийный характер; пятая – виновником событий был сам Грибоедов, якобы восстановивший против себя население Тегерана; шестая – виновато окружение Грибоедова, в особенности христиане-армяне (у которых в то время действительно накопилось немало горечи в отношении мусульман Турции и Персии, отторгнувших от Армении значительные территории и нещадно эксплуатировавших ее коренных жителей); седьмая версия (довольно абсурдная, но и она высказывалась в советское время) – тайные импульсы, направленные против Грибоедова, исходили из Петербурга (имеются в виду Император Николай I и его министр иностранных дел К. В. Нессельроде). Наконец, последняя, восьмая версия возлагает ответственность за нападение на Грибоедова на подстрекательские действия со стороны англичан.

Конечно, все эти версии (разумеется, кроме советской – о причастности Императора Николая) возникли не на пустом месте. Каждая из них – одна глубже, другая поверхностнее – отражает какую-то сторону крайне запутанной обстановки, сложившейся тогда и в самой Персии, и в Средневосточном регионе в целом.

Самодержавным главою персидского государства в то время был Фатх-Али-шах из династии Каджаров. Власть его была фактически невелика, да и она постоянно подтачивалась борьбой крупных феодалов – в основном многочисленных сыновей и племянников Шаха – за земли, положение, влияние, богатство. Впрочем, влияние и независимость даже самых могущественных феодалов были крайне ограничены. И в этом смысле версия о том, что инициатором нападения на русское посольство был Алла Яр-хан, не выдерживает критики. Как ни своевольны были крупные феодалы, ни один из них не рискнул бы вмешиваться таким образом во взаимоотношения Шаха с иностранной державой. За это легко было поплатиться головой. Самое большее, на что Алла Яр-хан мог отважиться, – это подогреть страсти, когда волнение уже началось, что он, вероятно, и делал.

Если феодалы и армия еще как-то подчинялись власти Шаха, то народные массы, особенно в крупных городах – Тегеране, Тебризе, Ширазе, – находились в состоянии постоянного отчуждения и конфронтации с шахским Двором, феодалами и их вооруженными формированиями. Реальной властью в городах обладало лишь магометанское духовенство. Влияние его среди городского населения было огромно, причем духовное влияние поддерживалось еще и тем, что духовенству принадлежала и судебная власть.

Любые массовые движения того времени – будь то народные волнения или празднества – так или иначе направлялись духовенством, широко использовавшим религиозный фанатизм масс в своих интересах. Стихийные волнения в собственном смысле, т. е. не вызванные духовенством или, по крайней мере, не санкционированные им, в истории шиитского мусульманства тех лет практически неизвестны. Едва ли правомерно полагать, что нападение на русское посольство в Тегеране было исключением (мы имеем в виду версию о стихийном характере нападения). С самого начала волнения оно направлялось духовными пастырями ислама. В этом смысле версия об определенной доле ответственности муджахеда Месих-мирзы и других руководителей мусульманской общины в Тегеране за нападение на русское посольство соответствует истине. Однако эта версия не раскрывает причин нападе-

ния по существу и не отвечает на вопрос, действовали ли муджахеды по собственной инициативе или были лишь исполнителями чужой воли.

Большая часть исследователей склоняются к тому, что либо муджахедов силой или хитростью, подкупом или посулами вынудили так поступить, либо они сами стали жертвами хорошо организованной провокации. Сделать это могли только две силы – шахский Двор, т. е. собственно персидское правительство, или англичане, позиции которых в Персии были тогда очень сильны.

Шахский Двор и тегеранское духовенство находились в довольно прохладных отношениях; тем не менее правительство располагало достаточными средствами, чтобы побудить муджахедов действовать в нужном ему направлении. Вопрос, однако, состоит в том, нужно ли было Шаху нападение на русское посольство, заинтересовано ли было его правительство в гибели Грибоедова. И если не оно, то кто был в этом заинтересован?

Персидские письма

Чем больше изучаешь относящиеся к рассматриваемому вопросу документы, тем яснее становится, что Шах не был заинтересован в действиях против русского посольства и, более того, был в высшей степени заинтересован, чтобы такие действия не предпринимались.

В этой связи я хотел бы сослаться на следующие четыре документа. Это письмо британского посланника Джона Макдональда от 19 февраля 1829 г. своему правительству, в котором зафиксировано переданное ему первоначально в устной форме сообщение о нападении на русское посольство и гибели Грибоедова. Далее, личное письмо (фирман) Шаха к Макдональду с объяснениями по поводу трагических событий, а также письма главы персидского правительства Абул Вахаб-мирзы и министра иностранных дел Абул Хассан-хана по тому же вопросу – также адресованные Макдональду.

Три последних письма представляют собой обстоятельные ответы на протест, заявленный британским посланником по получении им сообщения об убийстве Грибоедова. Одно из них имеет дату «1 рамазана 1224 года хиджры» (что соответствует 5 марта 1829 г. по европейскому календарю); на двух других дата не обозначена, но имеются достаточные основания датировать их тем же числом.

Тексты писем были тогда же переведены с персидского на английский язык ответственными работниками британской миссии Джоном Макнилом и Джоном Кэмпбеллом. Владение персидским языком этими лицами и ситуация, в которой осуществлялся перевод, не вызывают сомнений в его адекватности. Переводы были размножены в четырех экземплярах и направлены Макдональдом в три адреса: политическому секретарю правительства Ост-Индской компании, председателю Совета директоров Ост-Индской компании и главнокомандующему русскими войсками в Закавказье генералу Паскевичу.

Комплекты, направленные в первые два адреса, сохранились и находятся в настоящее время в библиотеках Лондона (Public Record Office. Foreign Office, 249/27; Indian Office Library). Комплект, направленный генералу Паскевичу, попал в архив Наместника Кавказа (входивший до последнего времени в общий архив Министерства иностранных дел). В 1910 г. с комплекта этих писем были сняты копии, которые хранятся в Институте русской литературы РАН.

Публикуемые ниже русские переводы всех названных документов сделаны автором книги⁴.

1

Первое по времени сообщение о гибели Грибоедова, исходящее от персидских властей, было сделано в Тебризе 6/18 февраля 1829 г., то есть неделю спустя после разыгравшейся в Тегеране трагедии, наследным принцем Аббас-мирзой британскому посланнику Джону Макдональду. Сообщение, как упоминалось, было сделано в устной форме.

Для понимания последующего необходимо представлять некоторые особенности взаимоотношений персидского правительства с иностранными державами. Персия в те годы стремилась по возможности отгородиться от внешнего мира, полагая, что таким образом она обеспечит себе независимое и самобытное развитие. Ограничив до предела внешнеполитические связи, персидское правительство поддерживало дипломатические отношения только

⁴ Впервые опубликованы мною в кн.: *Грибоедов А. С. Материалы к биографии*. Л.: Наука, 1989. С. 108–133. Ссылки на источники – там же.

с Османской империей, Великобританией и Россией. Существовавшие ранее дипломатические отношения с Францией были упразднены. Мало того, дипломатические представительства, согласно воле Шаха, размещались не при шахском Дворе в Тегеране, а при Дворе наследного принца Аббас-мирзы в Тебризе – примерно в неделе пути от Тегерана. Приезд иностранных дипломатов в Тегеран (в особенности из немусульманских стран) допускался лишь в особых случаях, как исключение. Именно таким особым случаем была поездка в Тегеран русского посольства во главе с Грибоедовым, начавшаяся 8/20 декабря 1828 г. и трагически завершившаяся 30 января / 11 февраля следующего – 1829 года.

В действительности изоляционистский курс персидского правительства был малоэффективен. Персия уже давно попала в зависимость от Великобритании, и англичане, хотя внешне и соблюдали предписанную Шахом регламентацию, чувствовали себя в стране полными хозяевами. Они систематически субсидировали Шаха и его Двор и таким образом контролировали финансы страны; английские офицеры руководили боевой подготовкой персидской армии и отлично знали все ее уязвимые стороны; английские врачи лечили Шаха и его приближенных; английские консулы-резиденты имелись во всех крупных городах Персии и т. д. Устраивала англичан и изоляционистская политика персидского правительства: устраняя конкурентов, изоляционизм способствовал монопольному влиянию англичан в Персии. Правда, британскому посланнику Макдональду приходилось вследствие этого жить в Тебризе, но атташе британской миссии – он же личный врач Шаха – Макнил жил в Тегеране и даже имел собственные апартаменты в шахском дворце.

Любопытная деталь: находившийся в Тебризе Макдональд узнал о гибели Грибоедова не от Макнила, находившегося в Тегеране и обязанного по долгу службы найти способ уведомить своего шефа о случившемся чрезвычайном происшествии, а от наследного принца Аббас-мирзы.

Вот что мы узнаем на этот счет из доклада Макдональда политическому секретарю (министру иностранных дел) правительства Ост-Индской компании Джорджу Суинтону, датированного 19 февраля 1829 г.:

«Сэр, 18-го сего месяца поздно вечером я получил от одного из доверенных служителей гарема уведомление, что Его Королевское Высочество принц Аббас-мирза желает безотлагательно переговорить со мной по делу исключительной важности.

Я тотчас же отправился во дворец, где застал Его Высочество уединившимся с Каим-Макамом и нетерпеливо ожидавшим моего прихода. Оба, казалось, находились в состоянии крайне подавленном. Принц был в слезах, лицо его выражало глубокую скорбь. И действительно, он был так сильно чем-то взволнован, что еще несколько минут после того, как я вошел, только и твердил: "Ла-Ила-Ила-Аллах, нет Бога, кроме Бога, горе мне, обречен я никогда больше не знать ни минуты покоя! Водам Дуная не смыть наших грехов, не стереть водам Евфрата безумия, которое мы совершили!"

Продолжая горько причитать по поводу собственных несчастий и несказанных бедствий, грозящих обрушиться на его дом, принц был некоторое время или не в состоянии, или умышленно не хотел сообщить мне о случившемся; не мог и я отгадать причину его отчаяния. Наконец он пожелал или, вернее, сделал знак своему министру прочесть вслух письма, которые только что пришли из Тегерана и которые, я говорю об этом с величайшей скорбью, содержали ужасное известие, что г-н Грибоедов, Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр Его Величества, Императора России, почти со всей своей свитой убит жителями столицы во время народного возмущения, вспыхнувшего утром 8-го сего месяца.

Подробности этого ужасного события – самого страшного, которое только могло сейчас обрушиться на эту злосчастную страну, – сообщены в упомянутых мною документах, которые были переданы мне Его Королевским Высочеством и переводы которых я направляю для представления Его Светлости Лорду – председателю Совета. Других сведений

насчет этого, из ряда вон выходящего и зверского нарушения международного права, у меня пока нет. Но, хотя все это еще темно и неясно, мне представляется, что общественное мнение было сильно возбуждено еще до ухода женщин из дома Алла Яр-хана (бывшего премьер-министра) поведением ходжи Якуба, одного из главных шахских евнухов, который бежал из дворца, где он состоял в очень конфиденциальной должности, и нашел убежище в русской миссии, предоставить которое было обязанностью г-на Грибоедова, согласно условиям Туркманчайского договора.

У меня нет оснований полагать, что Шах или кто-либо из членов его правительства были хотя бы в малейшей степени причастны к этой жуткой катастрофе. Последняя – насколько я могу судить по тому, что сейчас известно, – объясняется исключительно внезапной и непреодолимой вспышкой массового исступления, вызванного обращением с магометанскими женщинами, заносчивым поведением лиц, принадлежащих к русской миссии, смертью нескольких горожан и, наконец, нарушением таких нравственных норм, которые более, чем что-либо другое, затрагивают предрассудки и воспаляют дикие и необузданные страсти магометанской толпы, нетерпимой ко всякому вмешательству в их религиозные обычаи и особенно ревливой – до какого-то сумасшествия – к святости гарема.

Уже одно то обстоятельство, что мехмандар Посланника (персидский придворный Назар-Али-хан. – Л. А.) был тяжело ранен, защищая Его Превосходительство, и то, что Шах направил ему на помощь гвардейцев, отчаянно рвавшихся к посольству, причем многие из них, пытаясь противостоять буйству и натиску толпы, были убиты, – уже это должно послужить как бы смягчающим обстоятельством в этом деле и, как я надеюсь, ослабит справедливый гнев и, может быть, даже отвратит вполне предсказуемое возмездие со стороны Императора. Действительно, какие мотивы, спросил бы я, могли бы быть у персидского правительства, чтобы подстрекать к преступлению, из которого оно не только не могло рассчитывать извлечь какую-либо выгоду, но, напротив, неминуемо подвергло бы свое государство неотвратимой опасности, вплоть до риска быть полностью уничтоженным?

Невинность принца (Аббас-мирзы. – Л. А.) и его полнейшее неведение обо всех событиях, которые прямо или косвенно вели к этому прискорбному происшествию, лично для меня вне всякого сомнения. Расстояние, которое отделяло принца от места действия, его отчаяние, искреннее изумление и непритворное горе; его готовность на любое, какое только было бы в его силах, искупление и вознаграждение оскорбленному Монарху – всё это веские свидетельства в пользу того, что принц никоим образом не замешан в преступлении, которое заклеимило его соотечественников печатью позора. Преступление это должно было бы навсегда остаться для принца печальным примером идиотского бессилия администрации его отца, оказавшейся не в состоянии призвать к порядку население города, который является его резиденцией.

Его Высочество объявил всеобщий траур, распорядился покрыть барабан сукном, чтоб заглушить звук, закрыть зал Аудиенции и запретил общественный Салам. Он также направляет своего старшего сына вместе с министром Каим-Макамом в С.-Петербург, чтобы представить Императору подробный отчет о происшедшем, и уполномочивает сына передать в распоряжение Его Императорского Величества некоторых зачинщиков и подстрекателей мятежа.

Более всего я опасаясь, как бы Эриванский двор (т. е. окружение главнокомандующего русскими войсками в Закавказье генерала Паскевича. – Л. А.) не заподозрил Персию в попытке воспользоваться неудачей, неожиданно постигшей русскую армию на Дунае, и вновь повторить ту вероломную и дерзкую роль, которую она уже однажды сыграла в начале войны. Никаких признаков такого рода намерения со стороны Шаха или его сына я не вижу, да если бы оно и возникло, то разве они в состоянии пойти на новую войну, когда их средства

не только истощены, но когда в королевстве, во многих провинциях обнаружались самые явные признаки беспорядка, неповиновения и возмущения?

Я горько сожалею, что не сопровождал г-на Грибоедова в Тегеран, так как склонен думать, что мое присутствие и посредничество сыграло бы положительную роль и, во всяком случае, предотвратило то, что произошло. Но так как Его Превосходительство отправился ко Двору собственно только для того, чтобы вручить верительные грамоты, и намеревался тотчас же вернуться в Тебриз, как только он повидает Шаха, – мне не хотелось покидать Аббас-мирзу накануне его отъезда в чужеземную миссию.

В усугублении несчастья, к которому привело это ужасное происшествие, замечу еще, что г-н Грибоедов недавно женился на молодой, прелестной и обаятельной княжне Чавчавадзе, которая теперь, находясь в последней стадии беременности, оплакивает потерю дорогого и любящего мужа. Сейчас она временно (до тех пор, пока мы не будем иметь благоприятного случая снестись с ее родителями) находится в моем доме, где я и моя жена стараемся утешить ее.

Более, чем кто-либо другой, я могу засвидетельствовать благородный, смелый, хотя, быть может, несколько непреклонный характер покойного. Будучи долгое время с ним в искренней дружбе и постоянно сталкиваясь в делах служебных и частных, я имел немало возможностей по достоинству оценить многие замечательные качества, которые украшали его душу и ум, и убедиться, что высокое чувство чести руководило им во всех его поступках и составляло его правило во всех случаях жизни.

Я намерен заявить решительный протест по поводу этого грубейшего попрания священных прав и неприкосновенности Посланника дружественной нам державы. Но я не хочу задерживать отправку этих писем ни на один день – и буду иметь честь подробно докладывать Его Светлости Лорду – председателю Совета о моем образе действий и о мерах, которые будут предприняты двумя Дворами, опять, к несчастью, вставшими во враждебные отношения друг к другу.

*Д. Макдональд, посланник
Тебриз, 19-ое февраля, 1829 г.»*

* * *

Донесение Макдональда, которое приведено выше, содержит два слоя информации. Во-первых, зафиксированное британским посланником устное сообщение персидских властей о гибели Грибоедова и, во-вторых, комментарий, включающий в себя юридическую и политическую оценку происшествия, принадлежащий самому Макдональду.

Донесение – наиболее ранний из известных документов, относящихся к гибели Грибоедова. В нем впервые – со слов наследного принца Аббас-мирзы – сообщается как о самом факте убийства русского посланника, так и о целом ряде обстоятельств, предшествовавших и сопутствовавших преступлению. Впервые, как упоминалось, дается здесь и оценка событий. В этой его первозданности, незамутненности – особая ценность документа.

Внешняя канва событий, сообщенная Аббас-мирзой Макдональду, в общем совпадает с тем, что содержится по этому поводу в более поздних источниках, и поэтому в специальном комментарии не нуждается. Значительно интереснее подробно описанное Макдональдом поведение Аббас-мирзы до того и во время того, как он делал свое сообщение. Не говоря уже об очевидном стремлении Аббас-мирзы внушить своему собеседнику мысль, что Шах и его правительство ни в коей мере не причастны к преступлению и глубоко скорбят о случившемся, из описания понятно, что вся беседа наследного принца с посланником была своего рода пробным шаром: и Аббас-мирзе, и присутствующему при разговоре его министру было

необходимо выяснить, как отреагирует Макдональд на то, что он услышит, – степень его гнева и степень его доверия к их словам.

Сегодня мы знаем то, чего ни Аббас-мирза, ни Каим-Макам еще не могли знать: Макдональд поверил в непричастность Шаха и его правительства к преступлению 6 шаабана – этому, собственно, посвящена добрая половина его донесения. Не был он и так уж сильно разгневан. В донесении об этом можно судить по фразе о «смягчающих обстоятельствах», которые, как надеется британский посланник, «ослабят справедливый гнев и, может быть, даже отвратят вполне предсказуемое возмездие со стороны Императора (Николая I. – Л. А.)». В еще большей степени об этом можно судить по тексту протеста, направленного Макдональдом шахскому правительству, – резкому, но вместе с тем, учитывая беспрецедентно тяжелые последствия преступления, сдержанному и вполне лояльному по отношению к Персии. Аббас-мирза и его министр были достаточно тонкими политиками, чтобы от них не укрылись эти акценты в настроении британского посланника.

Наибольший интерес представляет политическая часть комментария Макдональда. Анализируя вероятные политические мотивы преступления, Макдональд совершенно ясно видит, что таких мотивов у персидского правительства быть не могло: «Оно не только не могло рассчитывать извлечь какую-либо выгоду (из нападения на русское посольство. – Л. А.), но, напротив, неминуемо подвергло бы свое государство неотвратимой опасности вплоть до риска быть полностью уничтоженным».

Следует иметь в виду, что краеугольным камнем политики Макдональда было сохранение мира на Среднем Востоке. Он не сомневался, что новая война между Персией и Россией резко ослабила бы персидское государство или даже привела к его полному развалу. Последнее, как он вполне справедливо считал, коренным образом подорвало бы позиции Великобритании во всем Средневосточном регионе. Преступление же в Тегеране вновь отбрасывало Персию и Россию на грань войны.

В своем донесении Макдональд прямо упоминает о возможности нового военного столкновения между Персией и Россией и видит свою задачу в том, чтобы такое столкновение предотвратить: «Более всего я опасаясь, как бы Эриванский двор не заподозрил Персию в попытке воспользоваться неудачей, неожиданно постигшей русскую армию на Дунае, и вновь повторить ту вероломную и дерзкую роль, которую она уже однажды сыграла в начале войны».

Макдональду было отлично известно, кто хотел осложнить отношения России с Персией и развязать войну между ними. Прекрасно понимал он и то, каким английским кругам в Персии были выгодны политические последствия совершенного в Тегеране преступления. Однако он не торопится с окончательными выводами, не сообщает о своих подозрениях. Для этого у него пока слишком мало материала. Вместе с тем, всячески акцентируя непричастность персидского правительства к нападению на русское посольство, он тем самым резко сужает круг поиска виновных и как бы подспудно указывает на организаторов преступной акции, о которых он уже, вероятно, догадывался.

Так или иначе, но, отправив первые сообщения о гибели Грибоедова политическому секретарю правительства, Совету директоров Ост-Индской компании и генералу Паскевичу, он направил своего брата – начальника охраны британской миссии в Тебризе капитана Рональда Макдональда в Тегеран с поручением выяснить все, что удастся, об обстоятельствах нападения на русское посольство. Капитан Макдональд должен был также вручить письменный протест британского посланника Шаху и его министрам. Отбыв 20 февраля из Тебриза, посланный прибыл 3 марта в Тегеран, где провел два дня, был принят Шахом и министрами и уже 6 марта отправился в обратный путь.

По возвращении в Тебриз он представил британскому посланнику подробный доклад о проведенном им расследовании, а также доставил три письма – лично от Шаха, от пре-

мьер-министра и министра иностранных дел, содержащие ответ на протест британской миссии.

2

Фатх-Али, Шах-ин-шах Персии, не часто, может быть, считанные разы писал личные письма. Но на сей раз ему пришлось поступиться своими привычками. Слишком серьезен был повод.

«Фирман (личное письмо. – Л. А.) Его Величества Шаха полковнику Макдональду, Посланнику в Персии.

(После приветствий): Да будет известно полковнику Макдональду, Посланнику британского правительства, что у нас нет сомнений в том, что он уже частично осведомлен о происшедшем с генералом Грибоедовым, русским Посланником. Случилось поистине необычайное, непостижимое происшествие.

С момента прибытия Посланника в Тегеран при приеме его во дворце и все то время, что он здесь находился, ему оказывалось самое утонченное внимание, продиктованное нашим дружественным отношением к великой России и ее правительству. Мы проявили к нему всю нашу доброжелательность и дали указание нашим министрам предупреждать каждое его желание и удовлетворять все его просьбы в той мере, в какой это только возможно. Но предначертания Неба неотвратимы – никому не дано избежать своей судьбы: в сложной обстановке, возникшей вследствие отказа удовлетворить требование о возвращении пленных, Посланник оказался предрасположенным прислушаться к злонамеренным советам и преступил черту благоразумия.

Тем не менее, руководствуясь нашими предписаниями, ни один из министров не совершил по отношению к нему ни одного недружественного поступка. Причиной несчастья и позора были жители Города, оказавшиеся не в состоянии владеть собою. Вы прекрасно понимаете, сколь болезненно для нас это несчастье.

Во всех тревожных ситуациях мы всегда получали от представителей британского правительства дружеский совет и поддержку, в особенности в прошлом году, когда Ваше Превосходительство выступил посредником в заключении мира с Россией и так много сделал для заключения счастливого (мирного. – Л. А.) договора.

И теперь, когда случилось то, что случилось, мы, уповая на дружеское расположение Вашего Превосходительства, надеемся, что Вы сделаете все, что в Ваших силах, и что Вы научите нас и наставите наследного принца, нашего сына, что следует предпринять в соответствии с нормами международного права. Мы считаем необходимым предпринять любые шаги, чтобы искупить свершившееся зло, и не откажемся удовлетворить в мельчайших деталях все претензии, вытекающие из случившегося. Ваше Превосходительство, надеюсь, сделает все то, что предполагается истинно дружескими отношениями, чтобы смыть пятно позора с нашего правительства.

Фатх-Али шах».

* * *

Письмо Шаха к Макдональду – искусный дипломатический документ, политические цели которого вместе с тем предельно прозрачны. Главная из них – любой ценой сохранить нормальные отношения с Россией. Ради этого Шах готов пойти на любые моральные и материальные издержки, о чем он пишет совершенно открыто. Таким образом, опасения Макдональда, что обострившаяся ситуация может толкнуть Персию на превентивную войну с

Россией, оказались необоснованными. Шах проявил в этом вопросе и государственную мудрость, и политическую гибкость.

Более того. Из письма видно, что Шах стремится привлечь к осуществлению этой политики и Макдональда, справедливо полагая, что в сложившейся ситуации именно британский посланник является той дипломатической фигурой, которая может наилучшим образом способствовать нормализации русско-персидских отношений. Похоже, для персидского правительства не было тайной, что у англичан не было единства в вопросе о том, какие отношения между Россией и Персией им наиболее выгодны, и, обращаясь к Макдональду, Шах знал, что не встретит отказа.

Вопросу о том, кто виноват в преступлении 6 шаабана, Шах уделяет сравнительно мало внимания: подробно об этом пишут его министры (их письма приведены несколько ниже). Его как главу государства интересует не то, что было, а то, что будет. Тем не менее, поскольку полностью обойти вопрос о виновниках он тоже не может, он глухо упоминает о «преднамерениях Неба», о недостаточной, с его точки зрения, гибкости самого Грибоедова, о необузданности толпы.

Впрочем, вполне вероятно, что Шах знал гораздо больше, чем писал. Не исключено, что он знал или догадывался об истинных виновниках. В пользу последнего предположения свидетельствует та смелая уверенность, с которой Шах обращается к Макдональду за поддержкой, как бы твердо зная, что цели Макдональда и тех, кому хотелось бы развязать очередной русско-персидский конфликт, прямо противоположны. Но обвинять в письме к британскому посланнику его соотечественников (даже если Шаху было известно о разногласиях между ними) он, понятно, не мог.

Наконец, последнее замечание: политическая линия Шаха и его правительства – сохранить нормальные отношения с Россией во что бы то ни стало – слабо согласуется с версией о причастности Шаха к нападению на русскую миссию 6 шаабана, разрушительные политические последствия которого (как это видно из письма) были ему абсолютно ясны.

3

Как упоминалось, вместе с письмом Шаха Рональд Макдональд привез британскому посланнику еще два письма.

«От Моатемид-эд-даулэ (премьер-министра. – Л. А.) к Посланнику.

(После приветствий): Ваше письмо мною получено. Оно кратко, зато письмо, адресованное Абул Хассан-хану и содержащее резкий протест по поводу последнего события, более подробно.

Хотя, на первый взгляд, Вы правы, упрекая нас в том, что произошло, но когда Вы узнаете всю правду и все подробности, когда увидите, какую тревогу и стыд испытывают подданные Шах-ин-шаха, Вы поймете, что правительство непричастно к этому делу.

Ваше дружеское расположение позволяет нам надеяться, что Вы не будете слишком строги к допущенной ошибке и оградите нас от необоснованных обвинений со стороны других: ведь дружба, связывающая наши государства, долговременна и покоится на прочном фундаменте. За те 30 лет, что мы поддерживаем дружеские отношения, приходилось ли Вам слышать или видеть у нас что-либо, подобное этому позорному происшествию?

Наше государство желает быть в дружеских отношениях со всеми другими и стремится избегать всяких враждебных действий.

Минувшая война (с Россией. – Л. А.) вспыхнула из-за столкновений пограничных властей: население же обоих государств было против войны.

Сперва были двинуты наши войска в направлении к Ширвану, Гандже и Талышу; затем русский генерал переправился через Аракс и занял Тебриз. В результате вся страна попала в

руки России. Когда наследный принц отправился для мирных переговоров с русским генералом, мы практически не могли продолжать войну и мало надеялись вернуть обратно утраченную страну.

Если бы русские, заняв Тебриз, не остановили наступления, Персия перестала бы существовать. Но факт, что русские вели себя по отношению к нам со справедливостью и сдержанностью, более того – они пошли на длительные мирные переговоры, дав возможность населению страны оправиться от растерянности, а армии от поражения.

Если бы наше государство было склонно к вероломству, это был самый благоприятный момент: мир еще не был заключен, денежная контрибуция еще не была отправлена в Россию, и мы могли возобновить военные действия против России с 8 курурами туманов (т. е. с 16 миллионами рублей. – Л. А.) в руках! И если бы мы сочли, что армии в 50 тысяч человек недостаточно для успешного ведения военных действий, мы могли отправить один курур (2 миллиона рублей. – Л. А.), чтобы выиграть время, и пополнить армию еще 50 тысячами человек, тем более что население страны резко выступало против уплаты России такой большой суммы, считая, что десятой ее части достаточно, чтобы вернуть армии боеспособность.

Но наше государство не сочло возможным действовать предательски, когда русское правительство проявило по отношению к нам такую сдержанность и справедливость. Не в характере Шах-ин-шаха раздувать вражду или стремиться к кровопролитию, и тех, кто стоял за продолжение войны, Его Величество всячески порицал. Он скрепил договор (о мире. – Л. А.) без ропота и без единой оговорки и счел контрибуцию вполне справедливой. Мы молчаливо согласились и с известной статьей договора (о репатриации армян. – Л. А.), хотя понимали, что если она не будет снята, то непременно повлечет за собой неприятные столкновения. Мы надеялись, что в дальнейшем, когда между нашими государствами утвердятся дружественные отношения, наследный принц сумеет добиться отмены этой статьи. Мы полагали, что, раз Аббас-мирза готовится к дружественному визиту в Петербург, а г-н Грибоедов наделен здесь широкими полномочиями, те незначительные затруднения, которые возникали бы при применении договора на практике, могли разрешаться его властью. Наконец, совершенно очевидно, что у нас не могло быть желания – особенно сейчас, – чтобы от Востока до Запада прогремела молва, позорящая наше имя бесчестьем.

Всякий, кто поразмыслит над тем, что произошло, и кто обладает хоть каплей здравого смысла, не может не прийти к убеждению, что правительство здесь ни при чем. Полагаясь на установившиеся между нами долговременные дружественные отношения, мы рассчитываем, что Вы будете делать все, что в Ваших возможностях, чтобы как-то смягчить последствия трагедии, а не упрекать нас за то, что случилось.

Возможно ли предположить, что правительство, которое в условиях крайней денежной нужды пошло на выплату 8 куруров туманов, заключило мир и готовится направить в Петербург наследного принца с поручением утвердить наши дружественные отношения с Россией, может быть повинно в убийстве русского Посланника в своей столице, навлекая тем самым несмываемый позор на свое имя? Убежден, как Вы и пишете, что всякий, кто над этим задумается и кто осведомлен о развитии наших отношений с Россией, никогда не бросит нам упрека в бесчестье.

Абул Вахаб-мирза».

* * *

Перед нами документ во многих отношениях удивительный. Глава правительства державы, которая незадолго до того вела войну с другой, более сильной державой, потерпела от нее жестокое поражение, оказалась вынужденной пойти на уплату многомиллионной кон-

трибуции – и вот глава ее правительства характеризует политику державы-победительницы как сдержанную, справедливую, великодушную.

Чтобы оценить по достоинству письмо Вахаб-мирзы, уместно познакомиться с ним несколько ближе. Глава персидского правительства принадлежал к тому немногочисленному, но и не столь уж малочисленному кругу аристократической интеллигенции, которая в 1820-е гг. стремилась возродить традиционную для Персии культуру философского мышления, поэтического слова, изобразительного искусства и т. д.

Особенностью этого возрождения было то, что, опираясь прежде всего на национальную традицию, на мировоззрение и мироощущение ислама, персидская интеллигенция 1820-х гг. не была вместе с тем чужда идеям европейского гуманизма и просвещения.

Нельзя в этой связи не вспомнить состоявшуюся в том же 1829 г. встречу Пушкина на пути в Арзрум с персидским поэтом Фазиль-ханом, сопровождавшим принца Хозрев-мирзу в его дипломатической поездке в Петербург: «...конвойный офицер объявил нам, что он провожает придворного персидского поэта, и, по моему желанию, представил меня Фазил-хану. Я, с помощью переводчика, начал было высокопарное восточное приветствие; но как же мне стало совестно, когда Фазил-хан отвечал на мою неуместную затейливость простою, умной учтивостью... Со стыдом принужден я был оставить важно-шутливый тон и съехать на обыкновенные европейские фразы. Вот урок нашей русской насмешливости. Вперед не стану судить о человеке по его бараньей *papaxe* и по крашеным ногтям» («Путешествие в Арзрум»).

Такое же впечатление производил и глава делегации принц Хозрев-мирза, о чем тогда много говорили и писали в Москве и Петербурге.

Все это помогает понять и по достоинству оценить содержание интересующего нас письма. Вахаб-мирза был не только всесторонне образованным человеком, но мудрым и тонким государственным деятелем, обладавшим широким взглядом на вещи. То, что он писал о политике России, действительно отражало его отношение к этому вопросу. Да и зачем ему было хитрить или льстить? Ведь он писал не к русскому представителю, а к британскому посланнику, который, как он отлично знал, при всей его дружбе с Грибоедовым, представлял соперничающую с Россией державу.

Но если все это действительно так, то, следовательно, у персидского правительства не было оснований для мести русскому посланнику, – мотив, который ему нередко приписывается. Значит, известное предупреждение Грибоедову: «Вам не простят Туркманчайского мира», – относилось не к возможной мести со стороны персидского правительства, которое Туркманчайский мир устраивал, а к тем, кого этот мир не устраивал, о чем уже говорилось выше.

Нельзя не согласиться и с доводами Вахаб-мирзы насчет того, почему персидскому правительству был крайне невыгоден трагический инцидент с Грибоедовым. Впрочем, они во многом повторяют, частично детализируя, то, что содержится по этому поводу в письме Шаха.

Еще более детально этот вопрос рассматривается в третьем письме Везир-и-умур-и-хараджэ (т. е. министра иностранных дел Персии) Абул Хассан-хана, к изложению и анализу которого мы и переходим.

4

«Мирза Абул Хассан-хан Посланнику

(После приветствий): Капитан Макдональд передал мне Ваше письмо. Вы сетуете, что я не сообщил Вам о происшедшем немедленно; Бижан-хан, который находился здесь,

объяснит Вам всё. Теперь же, когда посланный уже готов отправиться в Тебриз, необходимо дать ответ на Ваше послание.

Вы утверждаете, что случившаяся трагедия навлекла на нас бесчестье и что мировая история не знает ничего подобного. Полностью отдаю себе отчет, что этот инцидент запятнал позором наше государство, и сам я настолько уязвлен этим беспрецедентным происшествием, что никакой необходимости в упреках с Вашей стороны нет. Впрочем, я не убежден, что ничего подобного никогда не случалось ни в одном государстве, но уверен, что если подобные случаи были, то такое государство едва ли было в восторге от того, что оно запятнало себя таким инцидентом. Ясно, что подобные происшествия, несообразные ни с государственной, ни с житейской мудростью, возможны лишь по предназначениям рока.

Если Вы хотя бы на минуту задумались над тем, как складывались в последнее время отношения между нами и Россией, то у Вас не останется и тени сомнения, что наше правительство ни в какой мере не причастно к происшествию.

Вы должны быть хорошо осведомлены – теперь это известно каждому – о том, что происходило незадолго до нападения между нами и Посланником, и это само по себе служит убедительным доказательством нашей невиновности. Во-первых. Я лично заметил г-ну Грибоедову, что население раздражено поступком мирзы Якуба и задержанием двух женщин и грозит применить силу. Я советовал вернуть их, но он не согласился.

Во-вторых. Убийство мирзы Сулимана, родственника Манучер-хана: если бы министры знали, что может начаться волнение, они никогда в такой момент не послали бы мирзу Сулимана в русскую миссию.

В-третьих. В случае своего соучастия в преступлении – персидское правительство не стало бы употреблять столько хитрости и настойчивости, защищая жизнь г-на Мальцева.

В-четвертых. После тех почестей и уважения, которые персидское правительство проявило к русскому Посланнику, – совершенно противоестественно, чтобы оно же навлекло на себя столько позора, совершив преступление.

Предположим, однако, что персидское правительство действительно не желало, чтобы г-н Грибоедов оставался здесь. Зачем же было пятнать себя злодеянием, когда можно было просто сменить Посланника? Одним словом, ни один здравомыслящий человек не стал бы винить наше государство.

Вы бросаете нам упрек в том, что мы не сумели защитить и предотвратить убийство священной особы иностранного Посланника. Отвечу Вам: волнение было настолько велико, что мы вынуждены были запереть ворота цитадели (т. е. обнесенную крепостной стеной центральную часть Тегерана, где находился дворец Шаха, резиденция правительства и жилища многих крупных феодалов. – Л. А.). Что можно было предпринять в столь чрезвычайных обстоятельствах? Катастрофа разразилась молниеносно, быстрее, чем можно было собрать войска и сделать необходимые приготовления.

Следует иметь в виду, что народ собрался только затем, чтобы схватить мирзу Якуба и освободить двух женщин, но некто по имени Дадеш-бек, армянин по национальности, убил магометанина, что переполнило чашу терпения и без того возбужденных людей.

Вы утверждаете, что этот инцидент заставит другие державы опасаться за жизнь своих Посланников и вынудит задуматься, благоразумно ли им оставаться при персидском Дворе. Отвечу, что все те тридцать лет, что мы поддерживали дружеские отношения с Англией, Францией и другими державами, их представители всегда встречали со стороны населения Персии только почет и уважение.

Армяне из свиты русского Посланника вели себя на улицах вызывающе, оскорбляли религию Ислама, что возбуждало против них население и, конечно, способствовало резкому столкновению.

Наши дружеские отношения с Англией, которые ничем не омрачены уже тридцать лет, – лучшее свидетельство в нашу пользу.

Вы бросаете нам упрек в попустительстве, в том, что мы медлим с наказанием виновных. Боюсь, Вы плохо представляете себе реальное положение вещей в нашей стране.

Ведь возмущенную толпу повели за собой не сардары или какие-либо другие известные лица. Вы, видимо, считаете, что толпа состояла только из жителей города и что участников нападения легко опознать. Но Тегеран – средоточие всего населения Персии, через него проходят все караваны. В день мятежа [у русского посольства] собрались и жители Тегерана, и приезжие, и трусливые, и безумные, и чужеземцы, усиливавшие шум и гвалт, и более рассудительные, пришедшие в надежде успокоить страсти. Принцы Зилли-эс-салтанэ (губернатор Тегерана. – Л. А.) и Иман-Верди-мирза [с внушительной охраной] не могли пробиться к дому Посланника, такой плотной стеной окружала его толпа. Если бы Шах захотел наказать тех, кто там был, ему пришлось бы перебить всё население.

Министры единодушны в том, что виновных необходимо наказать. Мы были бы очень Вам благодарны, если бы Вы подсказали, каким образом виновные должны быть наказаны, так чтобы весь мир увидел, что свершившие преступление ответили за это, и чтобы с нашего имени было смыто позорное пятно.

Вы высказываете также пожелания, чтобы г-н Мальцов был отправлен на родину. Еще до получения Вашего письма и прибытия к нам капитана Макдональда я проявил к нему должное гостеприимство, тем более что это объективный и доброжелательный к нам очевидец событий. В настоящее время он уже отбыл в Тебриз в сопровождении Мирзы Али-хана и 30 или 40 всадников из племени афшаров; мы также направили специальные указания властям на пути его следования, с требованием обеспечить ему беспрепятственный и безопасный проезд.

Что я могу добавить? Хотел бы надеяться, что Ваша доброта и чувство реальности помогут нам смыть с себя тот позор, который лег на нас столь тяжким бременем.

Абул Хассан-хан

1-го рамазана 1224 года хиджры».

* * *

Письмо Абул Хассан-хана – последнее в ряду рассматриваемых мною документов персидского руководства – написано по горячим следам кровавых событий в Тегеране, как и два других, написанных одновременно с ним. Его главная задача – доказать британскому посланнику Джону Макдональду (а через него и всему мировому сообществу) непричастность персидского правительства к нападению на русское посольство и к разыгравшейся вслед за тем трагедии. С этой целью во всех трех письмах – причем в последнем особенно детально – рассматривается целый ряд обстоятельств, свидетельствующих, что персидское правительство не могло быть заинтересовано в такой акции. Надо сказать, что все три письма довольно точно и объективно раскрывают глубинные причины, по которым персидскому правительству был крайне невыгоден трагический инцидент с Грибоедовым. Создается впечатление, что само персидское правительство оказалось здесь жертвой обмана и что действия, предпринятые против русского посольства, в определенной мере были направлены и против интересов Персии.

Последнее становится особенно ясным, если принять во внимание, что правительство предприняло довольно решительные шаги, чтобы предотвратить нападение, но оказалось не в состоянии справиться с теми силами, которые в то время уже были приведены в действие.

Едва ли эти факты согласуются с утверждением, что нападение на русское посольство носило стихийный характер. Оно не только не имело ничего общего со стихийностью, но, напротив, было хорошо продумано, тщательно спланировано и профессионально осуществлено.

На подобном уровне в Персии в ту пору могла действовать только одна сила – английская резидентура.

Мысль о том, что нападение на русское посольство – дело рук англичан, не нова. Это первое, о чем заговорили современники, сразу же, как только стало известно о преступлении. Так, уже одно из первых донесений о трагических событиях в Тегеране завершалось словами: «Впрочем, мнение основательных в Персии людей то, что происшествие сие случилось... не без участия англичан» (Донесение коменданта крепости Шуша майора Калачевского военно-окружному начальнику князю И. Н. Абхазову от 27 февраля 1829 г.).

Обобщая такого рода донесения, генерал Паскевич писал министру иностранных дел К. В. Нессельроде, что слухи о причастности англичан к гибели Грибоедова распространились по всем персидским городам: «... в Тавризе, Баязете, Тегеране, Нахичевани и Казвине... Они ходили всюду по всем базарам... и все они были согласны в том, что причины пагубного события были далеко не безызвестны англичанам и что они старались обострить враждебное нам настроение умов в Персии»⁵.

Английские историки категорически отрицают какую бы то ни было причастность англичан к побоищу в Тегеране. В качестве аргумента приводятся факты о дружеских отношениях Грибоедова и Макдональда, о той решительности, с которой английский посланник протестовал перед персидским правительством по поводу убийства своего русского коллеги, и т. п. Судя по источникам, Макдональд, вероятно, не был повинен в интригах, приведших к гибели Грибоедова; но из тех же источников следует, что с англичан это ответственности не снимает.

⁵ Письмо Паскевича к Нессельроде от 19 июля 1829 г. приводится по кн.: *Ениколопов И. К.* А. С. Грибоедов в Грузии и в Персии. Тифлис, 1929. С. 184.

Друзья и недруги Грибоедова из Британской миссии

В Персии в то время соперничали две английские группировки. Одну из них возглавлял Макдональд, который, между прочим, был посланником не английского правительства, а могущественной Ост-Индской компании, осуществлявшей непосредственное управление Индией, Бирмой и другими английскими колониальными владениями в Азии. Ост-Индская компания формально подчинялась Королю Великобритании, но ее экономическое могущество было настолько велико, что практически она представляла собой «государство в государстве». Компания имела свое правительство, армию, дипломатических представителей и нередко противопоставляла свои решения предписаниям английского Короля и правительства. В те годы Ост-Индская компания (торгово-экономическая деятельность которой в немалой степени зависела от стабильности в Индии и в пограничных с нею государствах) была заинтересована в том, чтобы Персия сохраняла мир с Россией, и ее посланник Макдональд, а также секретарь миссии Дж. Кэмпбелл – сын председателя Совета директоров Ост-Индской компании – делали всё, чтобы политика мира и стабильности возобладала в этом районе Среднего Востока. Именно на этой почве завязалась их дружба с Грибоедовым.

Другую группировку возглавляли Генри Уиллок, его брат Джордж и английский врач Джон Макнил. Эта группа представляла в Персии интересы экспансионистски настроенных кругов английской аристократии, захвативших в конце 20-х гг. ключевые посты в английском правительстве. С начала 1828 г. премьер-министром Англии стал герцог Веллингтон, победитель Наполеона под Ватерлоо. В 1826 г. Веллингтон провел несколько месяцев в Петербурге и пришел к выводу, что после поражения наполеоновской Франции основным соперником Англии в мировой политике становится Россия⁶. Став премьер-министром, он взял курс на конфронтацию с Россией. «Мы не можем больше сотрудничать с Россией, – поучает он своего ближайшего помощника лорда Элленборо, – если Франция будет продолжать сотрудничать с Россией, мы выступим против и развяжем себе руки. Так или иначе... мы должны избавиться от России» (запись в дневнике 2 октября 1828 г.)⁷.

Сам Элленборо, занявший в правительстве Веллингтона пост лорда-хранителя тайной печати (второе после премьера лицо, ответственное за узловые вопросы внешней политики и национальной безопасности), придерживался еще более крайних взглядов, не исключавших возможности военного столкновения с Россией. Вот несколько его характерных записей в то время: «Наша политика и в Европе и в Азии должна преследовать единую цель – всячески ограничивать русское влияние... В Персии, как и везде, необходимо создать предпосылки, чтобы при первой необходимости начать широкую вооруженную борьбу против России» («throwing the whole world in arms upon Russia»)⁸. Или в другом месте еще конкретнее: «30 окт. 1829 г. Как только русские присоединят Хивинское ханство, мы должны оккупировать Лахор и Кабул. Ведь не на берегах же Инда встречать врага...» И далее следуют подробные расчеты, сколько потребуется войск и оружия для отражения гипотетического наступления русских войск на Индию⁹.

В резком контрасте с этими и подобными заявлениями находятся слова Макдональда о необходимости мира с Россией. Вот что он писал своему правительству 22 февраля 1828 г. в связи с завершением Туркманчайских мирных переговоров: «Заключение мира имеет

⁶ *Wellington A. Despatches, Correspondence, and Memoranda. Ed. by his son. V. 3 new ser.: Dec. 1825 – May 1827. L., 1868. P. 93 and ff, esp. 196, 300–302, 310, 342.*

⁷ *A Political Diary 1828–1830 by Edward Law Lord Ellenborough. Ed. By Lord Colchester. V. 1. L., 1881. P. 233.*

⁸ *Ibid. V. 2. P. 92.*

⁹ *Ibid. P. 123–125.*

неоценимое значение не только для Персии, но и для Англии. Мир спас Персию от нависшей над нею угрозы прекратить существование как независимое государство, а нас – от опасностей столкновения с Петербургским Двором, в которое, по мере успехов русского оружия, мы несомненно оказались бы втянуты»¹⁰.

Не следует, разумеется, упрощать. Макдональд верой и правдой служил интересам Ост-Индской компании, но он был профессиональный военный и трезвый политик. Он имел возможность оценить ход боевых действий, после того как 16 июля 1826 г. персидская армия без объявления войны вторглась в пределы России; он видел, как небольшой отряд генерала Эристова взял древнюю столицу Азербайджана – Тебриз (повторим: тогда второй по значению город Персии), а какой-то дюжий казак привез на седле связанного командовавшего персидскими войсками Алла Яр-хана – одного из главных виновников войны с Россией. Он имел возможность лично наблюдать, как русские войска, после того как Персия прервала переговоры в Дей-Каргане, рассеяли персидскую армию по долине Салтанэ и открыли себе путь к Тегерану. Таким образом, у Макдональда не было никаких иллюзий насчет боевых возможностей персидской армии и вероятного исхода военных действий, если бы в этом районе вновь вспыхнула война.

С другой стороны, на него произвела впечатление сдержанность России, которая не воспользовалась военной победой для расширения своей территории за счет Персии. Войска генерала Паскевича не только не предприняли наступления на Тегеран, но были вскоре выведены из Тебриза и со всей территории южного Азербайджана, оказавшегося под их полным контролем в ходе преследования отступавших персидских армий.

Трезвый учет военно-политической обстановки, богатый военно-дипломатический опыт – вот что определяло политику Макдональда, суть которой состояла в том, чтобы решать спорные вопросы за столом переговоров, а не на поле боя. На этой почве Макдональд сблизился с Грибоедовым, политическая линия которого – ориентация на переговоры, а не на войну – совпадала с линией английского посланника.

Однако ни мирная политика Макдональда, ни его дружба с русским посланником никак не устраивала влиятельную группировку английских «ястребов» в Персии – тех английских офицеров, дипломатов и резидентов, которые, подобно лорду Элленборо в Лондоне, считали, что для сохранения британской колониальной системы в Азии необходимо сеять семена войны между Россией и ее южными соседями. Наиболее заметными представителями этой группы были Генри Уиллок, его брат Джордж и английский врач Джон Макнил.

Генри Уиллок провел в Персии более двадцати лет (с 1808 г.), он был секретарем при трех английских посланниках, сам неоднократно возглавлял британскую миссию в ранге поверенного в делах. В донесениях в Англию он стремился создать впечатление постоянной угрозы Персии со стороны России (см., например, донесения от 8 апреля и 3 октября 1819 г. и др.). Именно Уиллок, используя свое положение временного поверенного в делах в середине 1820-х гг., ложными посулами, подстрекательством и необъективной информацией спровоцировал русско-персидскую войну 1826–1827 гг. Люди, близко знавшие Уиллока, отзывались о нем, как правило, нелестно. Н. Н. Муравьев-Карский, упоминая об Уиллоке в записках за август 1817 г., характеризует его как «человека недалекого» (т. е. недалекого), душевно грубого; отмечает его сребролюбие и недоброжелательность¹¹. Макдональд отзывался об Уиллоке еще резче, называя его «бессовестным интриганом», неоднократно упоминает о его лживости, вероломстве: «...не в его характере делать что-либо открыто и прямо,

¹⁰ IOL, Secret Letters and Enclosures from Persia. 42. 1828.

¹¹ Русский архив. 1886. № 4. С. 519.

как подобает человеку благородному... Я мог бы предать гласности такие дела его здесь, в Персии, что его проклинали бы до конца дней...»¹²

Наконец, сэр Дж. Малькольм, генерал-губернатор Бомбея, в личном и совершенно секретном письме к генерал-губернатору Индии лорду Бентинку от 17 мая 1829 г. сообщал об Уиллоке следующее: «Когда несколько лет назад меня назначили посланником в Персию, я поставил условие, чтобы этого джентльмена ни в коем случае там не было. У него ни способностей, ни мужественности – умеет только лебезить да интриговать, и при этом – родственнички – клерки какие-то в Министерстве иностранных дел да поддержка м-ра Эллиса, незаконнорожденного брата леди Годрич...»¹³

Политические разногласия между группировками Макдональда и Уиллока усугублялись крайне неприязненными личными отношениями между Макдональдом и Кэмпбеллом, с одной стороны, и братьями Уиллоками и Макнилом – с другой. Уиллоки и Макнил интриговали как могли, чтобы не допустить Макдональда занять место английского посланника в Персии. Не вдаваясь в детали, заметим лишь, что Макдональд и Кэмпбелл были назначены первый посланником, а второй секретарем миссии в марте 1824 г., а прибыть в Тебриз и приступить к своим обязанностям им удалось только через два с половиной года – в августе 1826-го!

Со своей стороны Макдональд, наскоро приняв от Г. Уиллока дела английской миссии, *на следующий же день* отправил его в Англию в сопровождении «своего» человека – лейтенанта Дж. Александра.

¹² Письма к Дж. Малькольму от 18 февраля и 17 июля 1829 г. (цит. По: *Harden E. J. Griboedov and the Willock Affair* // *Slavic Review*. 1971. V. 30. № 1. P. 80, 89).

¹³ Цит. по: *Harden E. J. Griboedov and the Willock Affair*. P. 90. Лорд Годрич – премьер-министр Великобритании с августа 1827 по январь 1828 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.